

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ СИБИРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ СРЕДНЕОБСКОМ РЕГИОЛЕКТЕ XVII ВЕКА

Статья посвящена изучению сочетаемостных возможностей сибирских заимствований в аспекте их функциональной ассимиляции в формирующейся системе русского среднеобского региолекта на материале томских памятников письменности XVII в. Предложена методика исследования лексико-грамматической валентности иноязычных лексем, рассматриваемой в зависимости от их семантических, морфологических и синтаксических свойств. Выявлены типы лексико-грамматической валентности, реализующиеся на разных этапах ассимиляции иноязычных единиц.

Ключевые слова: историческая лексикология, диалектология, среднеобские говоры, русская деловая письменность XVII в., заимствование, иноязычная лексика, валентность.

Проблема лексико-грамматической ассимиляции лексики иноязычного происхождения в языке-реципиенте является весьма актуальной для исторической лексикологии и грамматики, поскольку еще недостаточно разработан анализ синтагматики заимствований по сравнению с фонетическим, морфологическим, семантическим, словообразовательным аспектами исследования освоения заимствований. Цель данной статьи – изучение лексико-грамматической валентности сибирских заимствований как одной из составляющих процесса их ассимиляции в принимающем языковом континууме. Материалом для исследования послужили томские деловые документы XVII в. *Сибирскими заимствованиями* среднеобского региолекта называются слова иноязычного происхождения, вошедшие в среднеобские говоры в сибирский период их истории, на начальном этапе их формирования (XVII в.).

Внимание к синтагматике неисконных единиц неизбежно приводит к необходимости анализа их сочетаемостных возможностей, проявляющихся на разных уровнях языка. Под *лексико-грамматической ассимиляцией* неисконной лексики понимается

приобретение иноязычными единицами валентных свойств как стремление к реализации сочетательных потенций исконно русских слов. Валентные свойства слова во многом зависят от его лексико-грамматических характеристик: принадлежности к определенной части речи, лексико-грамматическому разряду, семантической группе. Особенности категориальной семантики лексических единиц обуславливают характер их грамматических связей с другими лексемами в сочетаниях словоформ и словосочетаниях, способность формировать тот или иной тип синтаксических отношений и другие синтагматические параметры. Расширение сочетаемостных возможностей иноязычных единиц в процессе функционирования в заимствующем языковом континууме свидетельствует о более глубоком вхождении этих новаций в его систему.

Исследование валентности требует научных изысканий в объединенной сфере лексикологии, морфологии и синтаксиса. Мы рассматриваем лексико-грамматическую валентность как общую сочетаемостную способность слов, охватывающую во взаимосвязи их лексические, морфологические и синтаксические характеристики.

Анализ лексико-грамматической валентности слова традиционно сводится к определению следующих ее характеристик: 1) общий тип валентности: активная или пассивная; 2) облигаторность валентности: обязательная или факультативная; 3) синтаксическая функция дополняющего члена (субъектная, объектная, атрибутивная, обстоятельственная, предикативная валентность); 4) форма дополняющего члена, в том числе его частеречная принадлежность; 5) категориальная семантика слова, реализующего валентность; 6) число валентности [Гак, 1998. С. 80].

Дополним данную схему следующими параметрами:

- определение синтаксической функции и грамматической семантики иноязычного слова, реализующего валентность, поскольку способность брать на себя те или иные функции в словосочетании и предложении, разнообразие этих функций составляют, на наш взгляд, необходимые параметры синтаксической ассимиляции в рамках лексико-грамматической. Внимание к синтаксической функции и семантике заимствования является крайне важным, особенно в том случае, когда иноязычная номинация демонстрирует предикативную валентность в составе предикативного сочетания словоформ (грамматической основы предложения) и может выражать как семантический субъект, так и семантический объект (ср., например, предикативную валентность заимствований *лаба* 'монах-священник у буддистов' и *тунгус*, в рамках которой может быть реализована семантика заимствования как субъекта, так и объекта действия в составе предикативного сочетания словоформ: *лаба прислал* – *послан был лаба*, *тунгусы кочуют* – *посланы тунгусы* и др.). Кроме этого, бывает необходима конкретизация грамматической семантики заимствования по характеру атрибута, объекта, обстоятельства в том случае, если иноязычная номинация является зависимым членом в подчинительном словосочетании, проявляя пассивную валентность (например, при выявлении особенностей обстоятельственной пассивной валентности иноязычных этнонимов сибирского пограничья XVII в. отмечается частота их функционирования в обстоятельственных словосочетаниях в пространственном значении: *послан был в орчаки*. «*Послан был ис Томского снь бояр-*

скои Петръ Сабанскои да толмак Федка Федоров с служилыми людьми в орчаки ко князюм к Коготью да к братьям иво к Могоною Кошкекову да к Букою Отчектову...», Томск, 1647 г. (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 381. Л. 246);

- установление типа синтаксической связи иноязычного слова с другими компонентами словосочетания или сочетания словоформ (сочинительная, подчинительная, комплетивная и т. д.), а также средств связи (предложная, беспредложная, порядок слов и т. д.); данный аспект позволяет выявить разнообразие синтаксических и морфологических средств выражения синтаксической семантики, возникающей в процессе функционирования иноязычных единиц в потоке речи. Широко понимаемый нами термин *словосочетание* включает в себя подчинительные, предикативные и сочинительные сочетания словоформ.

Мы вводим в качестве итогового показателя валентности неисконных лексических единиц понятие *индекса валентности*. Традиционное понятие *число валентности* (например, одно-, двух-, трехвалентные глаголы) включает в себя количественную характеристику активной валентности лексем, входящей в состав подчинительных словосочетаний (например, число актантов – именных дополнений, которые может присоединять глагол). Понятие *индекса валентности* учитывает не только число валентности, но и 1) сочинительную, субъектную, предикативную валентности, проявляющиеся в сочинительных и предикативных сочетаниях словоформ; 2) пассивную обязательную и факультативную валентности с учетом а) разнообразия синтаксической семантики иноязычных номинаций, б) частеречной принадлежности дополняющих их компонентов, а также в) способов и средств связи.

Мы определяем индекс валентности слов неисконного происхождения, учитывая все возможные параметры: лексико-грамматическую валентность, а именно семантическую валентность иноязычной лексемы и морфолого-синтаксические средства ее выражения в аспекте ассимиляции. «Различие между семантическими валентностями и другими типами зависимостей выражается... в том, что валентностей у большинства слов немного ... и их морфологическое выражение часто идиоматично, т. е. зависит

не только от содержания валентности, но и от того слова, которому она принадлежит» [Апресян, 1995. С. 119–120].

Итоговая схема анализа лексико-грамматической валентности слов неисконного происхождения: 1) общий тип валентности: активная или пассивная; 2) облигаторность валентности: обязательная или факультативная; 3) синтаксическая функция дополняющего члена (субъектная, объектная, атрибутивная, обстоятельственная, предикативная, комплетивная валентность); 4) форма дополняющего члена, в том числе его частеречная принадлежность; 5) синтаксическая функция (и семантика) иноязычного слова, реализующего пассивную валентность; 6) тип синтаксической связи иноязычного слова с другими компонентами словосочетания или сочетания словоформ, а также средства связи; 7) категориальная семантика слова, реализующего валентность; 8) индекс валентности.

Обратимся к анализу лексико-грамматической валентности иноязычных номинаций *незападного* происхождения сибирского периода истории среднеобских говоров.

Калмак / колмак – в нашем материале данный этноним тюркского происхождения в сравнении с другими сибирскими заимствованиями проявляет наибольшее разнообразие сочетательных способностей, количественно выражающееся в индексе валентности 10.

«*А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: черные и белые колмаки и киргиские люди, и маты, и братья, и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и багасары, и кызылы, и кузнецкие люди, и все те, государь, люди около Томского города неподалеку кочуют и нас, государь, холопей твоих по землям и по пашням побивают...*», Томск, 1616–1617 гг. [Миллер, 1937. Т. 1. С. 449].

1. В предикативном сочетании словоформ *прилегли колмаки* иноязычный аппеллятив обозначают субъект действия и имеет обязательную валентность с предикативной семантикой дополняющего члена, выраженного спрягаемой формой глагола, и взаимонаправленной связью координации компонентов сочетания словоформ.

2. В сочетаниях словоформ *колмаки и киргиские люди, колмаки и братья* и т. п. связь сочинительная.

3. Атрибутивная валентность заимствования реализована в словосочетании *черные колмаки* ‘западные калмыки’, дополняющим членом является прилагательное, тип свя-

зи – согласование, форма связи – беспредложная.

4. Мы считаем возможным рассматривать словоформу *колмаки* в данном тексте входящей в состав распространенного приложения, зависящего от определяемого слова *орды* и связанного с ним по типу согласования (в числе и падеже): *орды* → (черные и белые) *колмаки* и... Таким образом, этноним актуализирует пассивную факультативную атрибутивную валентность.

5. «*Для привода к шерти белых колмаков...*», Томск, 1646 г. [СНРПТ, 2002. С. 91]. В данном контексте иноязычный этноним, являющийся составной частью синлекса *белые колмаки*, входит в состав именного словосочетания, приобретая пассивную обязательную валентность и значение объекта действия; тип связи – беспредложное управление.

6. Атрибутивную семантику слово *калмак* реализует в словосочетаниях с пассивной факультативной валентностью (выступая в роли зависимого компонента словосочетания); при этом оно вступает в связь беспредложного управления: «*И кузнецкие де служилые люди повоевали юрту белово колмака...*», Томск, 1653–1654 гг. [Там же].

7. Существительное *калмак* в деловых документах имеет предикативную валентность и актуализирует синтаксическую семантику, аналогичную предыдущей, но отличается от нее типом связи – предложным управлением: *тайша в калмаках*. «*Да в Нарыме же был ясачной человек Кикпай из Ырмаковы волости, а брат у него родной в калмаках тайша...*», Нарым, 1643 г. [Панин, 1991. С. 58]. На наш взгляд, словосочетание *тайша в калмаках* можно трансформировать без изменения смысла в сочетание *тайша калмаков*, что подтверждает возможность интерпретации семантики у исходного словосочетания (и заимствования *калмак*) как атрибутивной, главным компонентом которого является имя существительное. Однако предложенное понимание не единственно возможное. В данном случае точнее говорить о сложной, диффузной семантике словосочетания *тайша в калмаках*, которая, кроме атрибутивности, имеет оттенок обстоятельственного значения, возникающий вследствие предикативной синтаксической функции главного слова – существительного *тайша*.

8. Объектная пассивная валентность формируется в словосочетании *купили у калмаков*, в котором тип связи с главным компо-

нентом – глаголом – квалифицируется как предложное слабое управление: «*Купили у калмаков Тишка Великосельской да Еремка Степанов две скотины да коня рыжа...*», Томск, 1662 г. [СНРРТ, 2002. С. 91].

9. Объектная семантика свойственна слову *калмак* в глагольном словосочетании *дал колмакам*: «*А дал за него колмакам 12 рублев...*», Томск, 1627 г. [Там же. С. 133]. Заимствованная лексема проявляет в данном случае объектную пассивную валентность при типе связи с дополняющим членом – беспредложное сильное управление.

10. обстоятельная пассивная валентность этнонима формируется в глагольных словосочетаниях типа *ходил в калмаки* (Том. тамож. кн. 1627 г. Л. 34), *посылан был в калмаки* [СНРРТ, 2002. С. 91]. Синтаксическая функция обстоятельства места, свойственная иноязычным этнонимам сибирского периода, является характерной чертой языкового континуума Среднего Приобья XVIII в. Таким образом, индекс валентности у сибирского заимствования *калмак* (*колмак*) равен 10.

Тюркизм *киргиз* / *кыргыз* имеет индекс валентности 5.

1. В предикативном сочетании словоформ *приходят киргизы* иноязычный аппеллятив обозначают субъект действия и создает обязательную валентность с предикативной семантикой дополняющего члена, выраженного спрягаемой формой глагола, и взаимонаправленной связью координации компонентов сочетания словоформ. «*Что по вся годы приходят к ним киргизы и черные калмаки по трижды и по четырежды годом и с них емлют ясак, и жен их, и детей за ясак емлют в полон...*», Томск, 1621 г. [Там же. С. 85].

2. В предыдущем контексте вычленяется сочетание словоформ *киргизы и черные калмаки* на основе сочинительной связи и делается вывод о сочинительной валентности заимствования.

3. У заимствованного этнонима *киргизы* развивается пассивная обязательная обстоятельная валентность с пространственным характером обстоятельства в составе глагольного словосочетания: *отпустили в киргизы, пришли из киргиз* и под. «*И мы... Номчю и Кочебая отпустили с твоими государевыми людьми в киргизы...*» Томск, 1609 г.; «*Того же дни пришли из киргиз служилые люди...*», Томск, 1649 г. [Там же. С. 95]. Форма дополняющего главного члена словосочетания – глагол, тип подчинительной связи – предложное управление.

4. Факультативная пассивная обстоятельная валентность с пространственной семантикой репрезентируется у анализируемого слова в словосочетании *разболелся в киргизах*: «*Товарищ в киргизах разболелся... поехал назад...*», Томск, 1632 г. [Там же]. Частеречная принадлежность дополняющего члена – глагол, тип и средство подчинительной связи – предложное слабое управление.

5. Атрибутивная активная факультативная валентность сибирского заимствования *киргиз* (*кыргыз*) реализуется в атрибутивном словосочетании *верхние кыргызы*; дополняющий член выражен прилагательным, тип связи – полное согласование, форма связи – беспредложная: «*Да приехали в верхние кыргызы...*», Томск, 1661 г. [Там же. С. 111]. Индекс валентности 5.

Фарабат ‘сорт шелка персидского производства’ – имеет пассивную валентность, входит в состав: 1) объектных глагольных словосочетаний: *куплено фарабату*, Томск, 1658 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 359. Л. 5) – объектная обязательная валентность; 2) определительных именных: *(куплено) шелку фарабату*, Томск, 1652 г. (Там же. Кн. 305. Л. 2) – определительная факультативная валентность; 3) количественно-именных: *три фунта фарабату*, Томск, 1658 г. (Там же. Кн. 359. Л. 6) – комплетивная валентность; 4) сочетаний словоформ с сочинительной связью: «*куплено... крашенин... и фарабату... и гарусу*», Томск, 1658 г. (Там же. Л. 12) – сочинительная валентность. Индекс валентности 4.

Тюркизм **чувал** (минимальный индекс валентности 1) имеет пассивную обязательную объектную валентность в составе объектного глагольного словосочетания *поделать чувалы*: «*И велел у них в тех банях поделать юрты, на потолках велел прорубить мури и чувалы поделать по-юртовски...*», Томск, 1632 г. [СНРРТ, 2002. С. 307].

Лексико-грамматическая валентность иноязычных слов западного происхождения, транспонированных в русскую разговорную речь Среднего Приобья в сибирский период, так же, как и слов западного происхождения, обладает в целом разнообразными формальными и семантическими характеристиками. Особенностью западных по происхождению номинаций среднеобского региолекта XVII в. является наличие в корпусе данной лексики преимущественного большинства (около 60 %) аппеллятивов с категориальной семантикой одушевленно-

сти, а точнее – личных существительных. Исследование лексико-грамматической валентности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угро-самодийских элементов сибирского периода, находящихся на разных этапах ассимиляции в русских сибирских говорах, позволило выявить особенности валентных способностей иноязычных слов, зависящие от их категориальной семантики и наиболее ярко проявляющиеся на начальном этапе заимствования.

К начальному этапу освоения иноязычных слов мы относим лексемы, имеющие индекс валентности 1–2 (предикативную или / и сочинительную). Апеллятивы, относящиеся к лексико-грамматическому разряду одушевленных (личных) существительных, в первую очередь приобретают в языке-реципиенте *предикативную валентность и субъектную семантику*, выступая в предложении в функции подлежащего и обозначая субъект действия в составе предикативного сочетания словоформ со связью координации между компонентами: *кочуют... маймаканцы*, Томск, 1639 г. [СНРРТ, 2002. С. 121]; *меняют... саяны*, Томск, 1618 г. [Там же. С. 251]; *живут тунгусы, шамагиры*, Томск, 1639 г. [Там же. С. 308]; *живут... макагиры, и долгиры, и чолкогиры, и кутугиры*, Томск, 1639 г. [Там же. С. 110, 121–122]; *кутукта родился*, Томск, 1617 г. [Там же. С. 110]; *контайчи... говорил*, Томск, 1660 г. [Там же. С. 100] и т. п.

Предикативная валентность и субъектная семантика характерны в первую очередь для этнонимов; *личные существительные*, обозначающие титулы представителей аборигенов, кроме субъектной семантики, приобретают в глагольных словосочетаниях объектную семантику и пассивную объектную валентность: *данзу выслали*, Томск, 1636–1637 гг. [Панин, 1991. С. 154]; *сказал про кутукту*, Томск, 1617 г. [СНРРТ. С. 110]; *катуню бранил*, Томск, 1636 г. [Панин, 1991. С. 60] и др.

Иноязычные номинации, имеющие категориальную семантику *неличных существительных*, главным образом неодушевленных, на раннем этапе ассимиляции развивают в первую очередь объектную семантику при *пассивном типе объектной валентности* в составе глагольных словосочетаний: *алману имать не будем*, Томск, 1680 г. [Панин, 1991. С. 7]; *прорубить мури, чювалы поделать*, Томск, 1632 г. [СНРРТ, 2002. С. 307]; *палмами... искололи*, Томск, 1646 г. [Там же. С. 176]; *продал ураку*,

Томск, 1649 г. (РГАДА. Ф. 214. Стб. 251. Л. 99); *кандыкь копают*, Томск, 1636 г. (Там же. Ф. 214. Стб. 53. Л. 684) и т. д.

Семантический объект может быть выражен также в пассивной конструкции при помощи подлежащего в предикативном сочетании словоформ. В таком случае появляется предикативная валентность при наличии координации как типа связи между компонентами: *«(долы и) толомья набиваны золотом»*, Томск, 1645 г. (Там же. Стб. 74. Л. 344); *взята бечева*, Томск, 1631 г. (Том. расход. кн. 1630–1631 гг. Л. 199 об. – 200). Это присуще и лексемам западного происхождения: *взят лагун*, Томск, 1631 г. (Там же. Кн. 1630–1631 гг. Л. 215 об.); *присланы фурма (ныжевик, трещотка)*, Томск, 1699 г. [СНРРТ, 2002. С. 299] и др.

Сочинительная валентность номинаций на раннем этапе лексико-грамматической ассимиляции свидетельствует о том, что иностранные слова в сознании говорящих включаются в соответствующие тематические группы лексики: *(Бдят) траву... и кандыкь*, Томск, 1636 г. (РГАДА. Ф. 214. Стб. 53. Л. 684); *поймав... парусы и... снасти и бечевы*, Томск, 1638 г. [СНРРТ, 2002. С. 310]; *кумка и голец, кета и горбунья*, Томск, 1646 г. [Там же. С. 109]; *(продал)... жиру (рыбья) и... ураку*, Томск, 1649 г. (РГАДА. Ф. 214. Стб. 251. Л. 99) и т. п.

В процессе дальнейшей ассимиляции иноязычные номинации приобретают, кроме предикативной, субъектной и объектной, валентности других типов: атрибутивную (активную и пассивную), комплетивную (с количественной конкретизацией характера комплетивных отношений). Таковы лексические единицы, индекс валентности которых более трех. Атрибутивная активная валентность детерминируется тем, что носители региолекта знакомы с разновидностями обозначаемого заимствованием понятия, требующими языкового выражения, и таким образом становится очевидной коммуникативная актуальность понятия и более высокая степень ассимиляции заимствования: ср.: *чукреи с ножнами*, Томск, 1640 г. [Головачев. С. 147] и *ножей чюкриев с черенемь*, Томск, 1624 г. (Том. тамож. кн. 1624–1625 гг. Л. 7); *подгородной ялани*, Томск, 1641 г., и *большие елани*, Томск, XVII в., и *старые подгородные ялани*, Томск, 1644 г. [СНРРТ, 2002. С. 65, 312]; *«пистолет немецкой доли набираны и серебром наволочен... с лядункой и с натрускою»*, Томск, 1635 г. (РГАДА. Ф. 214. Стб. 49. Л. 80); *бакша табаку*, Нарым,

1688 г. [СНРРТ, 2002. С. 15]; *кочи морские* [Миллер, 1937. Т. 1. С. 394]; *ирбизь с ногами и нохтми*, 1618 г. [Покровский, 1913. С. 299]; *кайру бобрового*, Томск, 1652 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 305. Л. 54 об.); *тангуцкой лаба*, Томск, 1645 г. [СНРРТ, 2002. С. 111] и т. п.

Синтаксическая функция приложения при пассивной атрибутивной валентности заимствования в составе атрибутивных словосочетаний демонстрирует включенность заимствования в родовидовые отношения, его возведение к родовому понятию: (*лосиных*) *кожъ тогушеи*, Томск, 1652 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 305. Л. 92); *каменья мунчаку*, Томск, 1624 г. [СНРРТ, 2002. С. 134]; *шолку фарабату*, Томск, 1658 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 359. Л. 10); *ножей чокриев*, Томск, 1624 г. (Том. тамож. кн. 1624–1625 гг. Л. 7) и др.

Иноязычные номинации, входящие в состав словосочетаний с количественной семантикой, мы не относим к раннему этапу лексико-грамматической ассимиляции, поскольку количественная валентность дополняет семантические валентности других типов – объектную, определительную и др. Количественная валентность заимствований свидетельствует об активном их употреблении в разговорной речи населения Среднего Приобья, так как обозначаемые ими денотаты имеют хождение в сфере товарно-денежных отношений и их измерение требует точности языкового выражения: *24 ансыря (шелку)*, Томск, 1640 г. [Головачев. С. 145]; *два барсука*, Томск, 1658 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 359. Л. 20); *за два лагуна*, Томск, 1631 г. (Том. расход. кн. 1630–1631 гг. Л. 124 об.); *восемьдесят пар (пистолетовъ)*, Томск, 1675 г. (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 590. Л. 579 об.); *два коча*, Томск, 1646 г. [СНРРТ, 2002. С. 104]; *четыре кумаца*, Томск, 1657 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 359. Л. 10); *две тысячи... одекую*, Томск, 1624 г. (Том. тамож. кн. 1624–1625 гг. Л. 78); *двадцать дюжин мунчаку*, Томск, 1625 г. [СНРРТ, 2002. С. 134].

Опираясь на количественную и содержательную характеристики валентности, можно сделать вывод о неполной ассимиляции следующих иноязычных лексем западного и незападного происхождения сибирского периода в русских говорах XVII в.: *трип*, *ярмарка*, *шкатула*; *мурь(я)*, *нашатырь*, *урак*, *урундук*, *чувал*, *яшма*. Некоторые из этих слов (*трип*, *шкатула*; *мурь(я)*, *нашатырь*, *чувал*) употреблялись в томских деловых документах значительно раньше их первой

фиксации в русских памятниках согласно общепринятой датировке М. Фасмером [1987. Т. 4. С. 103], П. Я. Черных [1993. Т. 2. С. 415; Т. 1. С. 563], в Картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. Наши данные по томским деловым документам XVII в., касающиеся номинации *яшма* (1627 г.), совпадают со временем ее первой фиксации в русских памятниках письменности, приведенным в Историко-этимологическом словаре П. Я. Черных [1993. Т. 2. С. 476]. Только в томских памятниках в единичных контекстах зафиксированы регионализмы Сибири *урак*, *урундук* (подробнее см.: [Щитова, 2008. С. 182–189]).

Обстоятельная пассивная валентность, свойственная иноязычным этнонимам сибирского периода, и их пространственная грамматическая семантика как конкретизация характера обстоятельства (синтаксическая функция обстоятельства места) являются характерной чертой среднеобского диалекта XVII в.: *купил в чатах*, Томск, 1625 г. (Том. тамож. кн. 1624–1625 гг. Л. 37 об.); *посылали... в орчаки* ('северные эвенки, занимающиеся оленеводством'), Томск, 1650 г. (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 381. Л. 247); *отпустили в киргизы, пришли из киргиз, приехали в кыргызы: «отпустили с твоими государевыми людьми в киргизы»*, Томск, 1609 г., *«того же дни пришли из киргиз служилые люди»*, Томск, 1649 г. [СНРРТ, 2002. С. 95], *«да приехали в верхние кыргызы»*, Томск, 1661 г. [Там же. С. 111]; *идти в мугалы: «Томскому боярину Степану Александровичу... идти на государеву службу в мугалы к Алтыну-царю»*, Томск, 1636 г. [Там же. С. 133] и др.

Сравнение результатов лексико-грамматической ассимиляции досибирских заимствований и иноязычных слов сибирского периода по данным томской деловой письменности позволяет сделать вывод о высокой интенсивности процесса ассимиляции в томских говорах XVII в. иностранных слов, входивших в говоры Среднего Приобья в сибирский период, поскольку индекс валентностей сибирских заимствований соотносим с индексом валентностей досибирских заимствований (сводные таблицы «Лексико-грамматическая валентность иноязычных слов западного происхождения» и «Лексико-грамматическая валентность слов уральско-алтайского происхождения, вошедших в томские говоры в сибирский период» см. в: [Щитова, 2008. С. 478–479]). Кроме того, иноязычные слова сибирского периода заимствования реализуют валент-

ность всех возможных типов: сочинительную, предикативную, субъектную, атрибутивную (активную и пассивную), объектную пассивную, комплетивную. Особенности валентных способностей сибирских заимствований проявляются на разных этапах лексико-грамматической ассимиляции в среднеобском региолекте XVII в. Характерной чертой среднеобского региолекта XVII в. являются обстоятельственная пассивная валентность, свойственная иноязычным этнонимам сибирского периода, и их пространственная грамматическая семантика как конкретизация характера обстоятельства.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Избр. тр.: В 2 т. М.: Яз. рус. культуры; Вост. лит., 1995. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). 472 с.

Гак В. Г. Валентность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. С. 79–80.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1–2.

Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: Моногр. Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 2008. 480 с.

Список источников

Головачев П. Г. Томск в XVII веке. [Б. м.]: Изд-во Горохова, [б. г.]. С. 24–161.

Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2 т. М.: Л., 1937–1941. Т. 1–2.

Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 181 с.

Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности. 1913. Т. 18. Кн. 4. С. 257–304.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, фонд 214 «Сибирский приказ» (г. Москва); стб. = столбец, кн. = книга, л. = лист.

СНРРТ – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Авт.-сост. В. В. Палагина, Л. А. Захарова, Г. Н. Старикова; под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с.

Том. расход. кн. 1630–1631 гг. – Расходная книга г. Томска 1630–1631 гг.: Рукопись. Науч. библиотека ТГУ, отдел рукописей, витрина 765, л. 1–250 об.

Том. тамож. кн. 1624–1625 гг. – Таможенная книга г. Томска 1624–1625 гг.: Рукопись. Науч. библиотека ТГУ, отдел рукописей, витрина 764, л. 1–80.

Том. тамож. кн. 1627 г. – Таможенная книга г. Томска 1627 г.: Рукопись. Науч. библиотека ТГУ, отдел рукописей, витрина 764, л. 1–52.

Материал поступил в редколлегия 15.01.2011

O. G. Shchitova

LEXICAL AND GRAMMATICAL VALENCY OF SIBERIAN BORROWINGS IN RUSSIAN MIDDLE-OB DIALECT OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the study of the collocations of Siberian borrowings in the aspect of their functional assimilation in the forming system of Russian Middle-Ob dialect. The investigation has been conducted on the Tomsk literary monuments of the XVII century. The author suggests the methods of investigation of lexical and grammatical valency of borrowings which is treated in relation to their semantic, morphological and syntactical peculiarities. The author educes the types of lexical and grammatical valency, which are realized at different stages of assimilation of borrowings.

Keywords: historical lexicology, dialectology, Middle-Ob dialects, Russian business written language of the XVII c., borrowing, foreign vocabulary, valency.